

Зонтик / рассказ

Category: Hekayalar, Kitapcy

написано kitapcy | 23 января, 2025

Зонтик / рассказ ЗОНТИК

Камиллу Удино

Г-жа Орейль отличалась бережливостью. Она знала цену каждому су и в совершенстве владела суровым сводом правил накопления денег. Ее прислуга, конечно, и не помышляла присчитывать при покупках, а г-ну Орейлю карманные деньги доставались с превеликим трудом. Между тем жили они в достатке, детей у них не было, но г-жа Орейль испытывала истинное горе, расставаясь с каждой монеткой. Это сокрушало ее сердце, и каждый раз, когда приходилось по необходимости тратить деньги сколько-нибудь крупные, ее всю ночь мучила бессонница.

Орейль вечно твердил жене:

— Да не скупись, мы и так не проживаем наших доходов.

Она отвечала:

— А вдруг что-нибудь стрясется? Лишние деньги никогда не помешают.

Эта щупленькая, опрятная, подвижная сорокалетняя женщина со сморщенным личиком была почти всегда не в духе.

Муж постоянно жаловался на лишения, которые он терпит по ее милости. Некоторые из них были особенно несносны, потому что задевали его самолюбие.

Только повинаясь жене, он продолжал служить столоначальником в военном министерстве, чтобы приумножать и без того излишние доходы.

И вот он два года ходил на службу все с одним и тем же заплатанным дождевым зонтиком, над которым издевались все сослуживцы. Выведенный из терпения их шутками, он потребовал у жены новый зонтик. Она прельстилась рекламой какого-то крупного универсального магазина и купила зонтик за восемь франков пятьдесят сантимов. Увидав эту дешевку, которая тысячами распродается в парижских магазинах, сослуживцы опять

принялись дразнить Орейля, так что ему стало совсем невмоготу. Зонтик никуда не годился. Через три месяца его нельзя было взять в руки, что развеселило все министерство. Даже песенку по этому поводу сочинили и распевали ее с утра до вечера по всем закоулкам огромного здания.

Взбешенный Орейль велел жене купить новый, шелковый дождевой зонтик за двадцать франков и в подтверждение показать счет.

Она приобрела зонтик за восемнадцать франков и, вся красная от злости, предупредила, отдавая его супругу:

– Это тебе по меньшей мере лет на пять.

В канцелярии торжествующий Орейль стал героем дня. Вечером, когда он пришел со службы, жена сказала, беспокойно поглядев на зонтик:

– Не следовало бы его перетягивать резинкой, она может протереть шелк. Смотри береги его. Теперь ты не так-то скоро дождешься нового.

Она взяла зонт, отстегнула колечко, расправила складки да так и обмерла от ужаса: на самом видном месте красовалась круглая дырка величиной с монету. Зонтик был прожжен сигарой!

Она пролепетала:

– Да что же это такое?

Муж, не глядя, спокойно проговорил:

– Что там такое? Что случилось?

Гнев душил ее, у нее отнялся язык.

– Ты... ты... про... прожег... зонтик... Да... ты... ты... с ума... сошел! Ты разориться хочешь!

Он обернулся, чувствуя, что бледнеет.

– Что ты говоришь?

– Говорю, что ты прожег зонтик! Смотри!

Она устремилась к мужу, словно намереваясь прибить его, и стала совать ему под нос злополучную дырку.

Перед таким бедствием он окончательно растерялся и пробормотал:

– Что это... что это такое?... Я ничего не знаю! Я тут ни при чем, уверяю тебя! Понятия не имею, как это случилось.

А она уже кричала:

– Головой ручаюсь, что ты у себя в канцелярии выкидывал с ним

всякие штучки, паясничал, раскрывал его из бахвальства!

Он ответил:

– Я раскрыл его всего-навсего один раз, чтобы показать, какой он замечательный. Больше ничего, уверяю тебя.

Но она в ярости топала ногами и закатила ему одну из тех супружеских сцен, от которых семейный очаг для миролюбивого человека становится страшнее, чем поле битвы, где свищут пули. Она посадила на дыру заплату другого цвета, взяв лоскуток от старого зонтика, и утром подавленный Орейль ушел с починенным зонтиком. Он поставил его в свой шкаф, стараясь отогнать от себя неприятные воспоминания.

Но вечером не успел он войти, как жена выхватила у него зонтик, раскрыла его, чтобы удостовериться в его целостности, и у нее дух захватило при виде непоправимой беды. Он был, словно решето, весь в мелких дырочках, по всей вероятности, прожженных золой из горячей трубки. Он погиб, погиб безвозвратно!

От бешенства она не могла выговорить ни слова и безмолвно рассматривала зонтик. Потрясенный муж тоже созерцал повреждения в ужасе, в смятении, в отчаянии.

Потом они взглянули друг на друга, потом он опустил глаза, потом она швырнула ему в лицо дырявый зонтик и, вновь обретая голос, разразилась яростным криком:

– Ах, ты – негодяй, негодяй этакий! Ты нарочно это устроил! Только ты поплатишься за это! Будешь совсем без зонтика!..

И сцена возобновилась. После бури, продолжавшейся около часа, ему наконец удалось вставить словечко. Он утверждал, что ничего понять не может, что сделать это мог кто-нибудь только из недоброжелательства или из мести.

Спас его звонок. Пришел приятель, который был приглашен к обеду.

Г-жа Орейль рассказала ему, что произошло. О покупке нового зонтика не могло быть и речи, муж ее останется без зонта. Приятель резонно заметил:

– Однако, сударыня, у него испортится одежда, а она стоит значительно дороже.

Все еще взбешенная женщина отрезала:

– Хорошо, пусть ходит с тем зонтом, с которым я хожу на рынок, а нового, шелкового, я ему ни за что не куплю.

Эта мысль возмутила Орейля:

– Ну так я подам в отставку, да, да! А с кухонным зонтом в министерство не покажусь.

Приятель посоветовал:

– Отдайте его обтянуть заново. Это стоит пустяки.

Раздраженная г-жа Орейль пробурчала:

– Чтобы обтянуть его, нужно отдать франков восемь. Восемь да восемнадцать – это уже двадцать шесть! Двадцать шесть франков за зонтик, да это с ума сойдешь! Это безумие!

Приятеля, человека небогатого, осенило:

– Так пусть заплатит общество, в котором застраховано ваше имущество. Страховые компании платят за предметы, пострадавшие от огня, в том случае, если несчастье произошло в вашей квартире.

Такой совет сразу вернул г-же Орейль душевное равновесие; немного подумав, она сказала мужу:

– Завтра по дороге в министерство зайти в контору «Материнской помощи», пусть освидетельствуют состояние зонтика и выплатят страховую премию.

Г-н Орейль так и подскочил:

– Никогда в жизни! Пропади они совсем, эти восемнадцать франков! Мы от этого не умрем.

И на другой день он ушел с тростью. К счастью, стояла хорошая погода.

Оставшись дома одна, г-жа Орейль никак не могла успокоиться при мысли о своих восемнадцати франках. Перед ней на обеденном столе лежал зонтик, а она ходила вокруг и не могла ничего придумать.

Она то и дело возвращалась к мысли о страховом обществе, но и у нее не хватило бы духу перенести насмешливые взгляды, которыми ее там встретят, потому что она робела на людях, краснея и смущаясь от всякого пустяка, как только ей приходилось вступать в разговор с посторонними.

Однако потеря восемнадцати франков мучила ее, словно какое-то оскорбление. Она старалась думать о другом, но воспоминание об

этом убытке продолжало сверлить ей мозг. Что же все-таки делать? Время шло; она все еще раздумывала. Потом, внезапно расхрабившись, как бывает с трусами, она решилась:

– Пойду, а там видно будет!

Но сначала нужно было придать зонтику такой вид, чтобы несчастный случай был очевиден и претензия имела основания. Она взяла на камине спички и прожгла огромную, с ладонь, дыру между спицами, а то, что осталось от шелка, она осторожно свернула, скрепила резиночкой, потом надела шаль и шляпу и быстро направилась на улицу Риволи, где помещалась страховая компания.

Но шаги ее замедлялись по мере того, как она приближалась к цели. Что она скажет? Что будет?

Она смотрела на номера домов. До цели оставалось еще двадцать восемь. Отлично! Можно еще подумать. Она шла все медленнее. Вдруг она вздрогнула. Вот дверь, на которой блестят золотые буквы: Общество страхования от огня «Материнская помощь». Уже! Она остановилась на миг, растерянная и смущенная, потом прошла мимо, вернулась, прошла мимо еще раз, снова вернулась.

Наконец она решила: «Все-таки идти надо. И чем скорее, тем лучше».

Но, войдя, она почувствовала сердцебиение.

Она попала в просторное помещение с окошечками вдоль стен; в каждом окошечке виднелась голова скрытого за перегородкой человека.

В комнату вошел какой-то господин с бумагами в руках. Она остановилась и спросила тоненьким, робким голосом:

– Простите, сударь, не можете ли вы сказать, куда следует обратиться, чтобы получить деньги за сгоревшее имущество?

Он ответил звучным голосом:

– Второй этаж, налево. Бюро несчастных случаев.

Эти слова еще больше повергли ее в трепет, ей захотелось убежать, так ничего и не узнав, пожертвовав своими восемнадцатью франками. Но мысль о такой сумме вернула ей частицу мужества, и она поднялась вверх, задыхаясь и останавливаясь на каждой ступеньке.

На втором этаже она увидела дверь, постучала. Громкий голос

крикнул:

– Войдите!

Она вошла и очутилась в большой комнате, где стояли три важных господина с орденами в петлицах и разговаривали. Один из них спросил:

– Что вам угодно, сударыня?

Не находя слов, она пролепетала, заикаясь:

– Я... я... пришла... по... по... поводу несчастного... случая...

Господин вежливо указал ей на стул:

– Потрудитесь присесть, через минуту я буду к вашим услугам.

И он продолжал разговор со своими собеседниками:

– Господа, компания считает, что она должна вам не больше четырехсот тысяч франков. Мы не можем признать ваши претензии на сто тысяч франков, которые вы требуете с нас дополнительно. Оценка к тому же...

Один из разговаривавших перебил:

– Довольно, сударь, дело решит суд. Нам остается только попроситься.

И они вышли, церемонно раскланявшись.

Ах, если бы она посмела, она бы ушла с ними! Она убежала бы, отказавшись от всего! Но могла ли она так поступить? Господин вернулся и с поклоном спросил:

– Что вам угодно, сударыня?

Она еле выговорила:

– Я... я... пришла вот... вот... из-за... этого...

Директор с искренним удивлением посмотрел на предмет, который она ему протягивала. Дрожащей рукой она пыталась распустить резинку. Ей удалось это после некоторых усилий, и она неожиданно раскрыла осто́в ободранного зонтика.

Соболезнующим тоном господин сказал:

– Да, он пострадал изрядно.

Она застенчиво пояснила:

– Он обошелся мне в двадцать франков.

Ее собеседник удивился:

– Неужели! Так дорого?

– Да, да, это был прекрасный зонтик. Я хочу, чтобы вы удостоверились, в каком он состоянии.

– Вижу, вижу, отлично вижу. Но я не совсем понимаю, почему, собственно, это касается меня?

Она встревожилась: может быть, за мелкие домашние вещи в этом обществе страховку не выплачивают? Однако она сказала:

– Но... он сгорел.

Господин этого не отрицал.

– Я прекрасно это вижу.

Она сидела, разинув рот, не зная, что же еще сказать, потом спохватилась и поспешно произнесла:

– Я – госпожа Орейль. Мы застрахованы в обществе «Материнская помощь». Я пришла просить вас о возмещении этого ущерба. – И она торопливо добавила, боясь окончательного отказа: – Я прошу только, чтобы вы распорядились обтянуть его.

Директор растерянно ответил.

– Но... сударыня... мы не торгуем зонтиками. Взять на себя ремонт такого рода мы не можем.

Маленькая женщина чувствовала, что к ней возвращается ее самоуверенность. Нужно бороться. Так она будет бороться! Страха ее как не бывало; она предложила:

– Оплатите мне только стоимость ремонта. В починку отдать я и сама сумею.

Господин был явно смущен.

– Право, сударыня, это сущие пустяки. О возмещении таких ничтожных убытков у нас до сих пор никогда не просили. Согласитесь сами, что мы не можем платить страховые премии за носовые платки, перчатки, половые щетки, домашние туфли и тому подобные мелкие предметы, которые ежедневно подвергаются опасности пострадать от огня.

Она покраснела от гнева.

– Однако, сударь, в декабре прошлого года у нас загорелась сажа в трубе, и мы потерпели убыток франков на пятьсот по крайней мере; господин Орейль ничего не потребовал от общества, так что теперь уж оно должно бы заплатить за мой зонтик.

Директор, поняв, что это ложь, сказал с улыбкой:

– Согласитесь, сударыня, очень странно, что господин Орейль не нашел нужным потребовать возмещения убытков на пятьсот

франков, а по поводу зонтика предъявляет претензию в размере пяти или шести франков.

Она нисколько не смутилась и возразила:

– Простите, сударь, убыток в пятьсот франков касается кармана господина Орейля, убыток же в восемнадцать франков касается кармана госпожи Орейль, а это не совсем одно и то же.

Он увидел, что не отделается от нее, что потеряет целый день, и, покоряясь судьбе, спросил:

– В таком случае потрудитесь рассказать, как произошел несчастный случай.

Она поняла, что победила, и пустилась в подробности:

– Видите ли, сударь, у меня в прихожей стоит бронзовая подставка для зонтов и тростей. Так вот, я вернулась на днях с прогулки и сунула туда этот зонтик. Надо вам сказать, что как раз над подставкой устроена полочка для свечи и спичек. Вот протягиваю я руку и беру четыре спички. Чиркнула одной, она не загорелась. Чиркнула другой, она тут же потухла. Чиркаю третьей, она тоже тухнет.

Директор решил сострить и перебил ее:

– Может быть, акцизная бандероль виновата?

Она не поняла и продолжала:

– Весьма возможно. Во всяком случае, загорелась только четвертая. Я зажгла свечу, потом ушла к себе в спальню и собиралась лечь, но через четверть часа мне показалось, что пахнет гарью. Я всегда боялась пожаров. Если у нас когда-нибудь произойдет пожар, то никак не по моей вине. Особенно после того, как горела сажа в трубе, я уже вам об этом рассказывала, я прямо сама не своя. Тут я, конечно, встаю, выхожу, шарю, словно ищейка, нюхаю по углам и, наконец, замечая, что горит мой зонтик. Вероятно, туда упала спичка. Вы видите, что с ним стало...

Покорившись неизбежности, директор спросил:

– Во сколько же вы оцениваете ущерб?

Она замаялась, не решаясь назвать сумму. Потом, не желая показаться мелочной, сказала:

– Отдайте его в починку сами. Я доверяю вам.

Он возразил:

– Нет, сударыня, я не могу; скажите, сколько вы просите.

– Да... по-моему... так... Пойдите, сударь... я не хочу наживаться на этом... мы сделаем так: я отнесу зонтик в мастерскую, где его обтянут хорошим, прочным шелком, а вам я принесу счет. Вас это устраивает?

– Вполне, сударыня. Так мы и решим. Вот вам ордер в кассу, где вам оплатят расходы.

И он протянул бумажку; г-жа Орейль схватила ее и, рассыпаясь в благодарностях, поспешила убраться поскорей, из опасения, что директор одумается.

Теперь она весело шла по улице, отыскивая шикарную мастерскую зонтов. Заметив дорогой с виду магазин, она вошла в него и уверенно сказала:

– Обтяните этот зонтик шелком, самым лучшим, какой только у вас найдется. За ценой дело не станет.

* * *

Напечатано в «Голуа» 10 февраля 1884 года.

Ги де Мопассан. Собрание сочинений в 10 тт. Том 3. МП «Аурика», 1994

Перевод В.Чешихиной. Некаýalar